

УДК 81'373.47 + 811.161.1
DOI 10.25205/1818-7919-2017-16-9-22-39

О. М. Исаченко

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

*Новосибирское высшее военное командное училище
ул. Иванова, 49, Новосибирск, 630112, Россия*

isachenkoo@mail.ru

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ И СПОСОБЫ ВЕРИФИКАЦИИ СЛОВАРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

Функционально-семантическое поле «Поведение» составляют не только предикаты, но и субъекты поведения – антропонимы с общим значением ‘человек, который ведет себя / поступает как-либо’. Помимо индивидуальных черт, в поведении реализуются типовые разновидности, которые мотивируются гендерной принадлежностью субъекта. Поведение женщин отражается в языковом сознании носителей русского языка как комплекс негативных стереотипов, которые репрезентируются через экспрессивные номинации женщин (условно – «феминитивы»). Основным лексикографическим источником для извлечения таких единиц послужил «Толковый словарь названий женщин» Н. П. Колесникова (для воссоздания культурно-исторического контекста привлекались также русские пословицы, зафиксированные В. И. Далем). На основе семантической классификации словарных феминитивов получен совокупный поведенческий образ женщины через набор стереотипов, которые существенно упрощают внеязыковую неоднозначность и многообразие женских характеров. Для корректирования «словарных» результатов использовались разные методы верификации: проверка на узуальность, учет количественных показателей словоупотребления, выявление родовых коррелятов, анализ их употребления в речи, наблюдение за контекстуальными трансформациями эмотивности и оценочности экспрессивных феминитивов и др. Несколько этапов верификации словарного материала позволили уточнить представление о женщине как субъекте поведения, привести его в соответствие с речевой и внеязыковой реальностью. Источниками сведений о «реальном образе» женщины можно считать рефлексивы (из текстов разной жанровой природы) – концептуальные высказывания о женщине, ее роли в семье и обществе, ее типичных свойствах и гендерно специфичных качествах, которые преимущественно оцениваются на фоне сравнения с мужчиной.

Ключевые слова: экспрессивный антропоним, гендерно специфичный, феминитив, тематическое поле номинативов, семантическая классификация, родовые корреляты, двойная референция.

Нет ни одной народной культуры в мире, где бы так цинично относились к женщине, как было заведено у нас. Все это в генах живет до сих пор.

В. Ерофеев

Изучение экспрессивных номинаций женщин на основе лексикографического источника подсказано исследованиями Н. А. Лукьяновой в области экспрессивности (на материале литературного языка, разговорной речи, диалектов) и русской лексикографии. Рожденное работами Н. А. Лукьяновой устойчивое впечатление о русском языке как богатом и разнообразном в оценках женщины и трансляции эмоций, связанных с ней, требует закрепления и подробного анализа.

Исаченко О. М. Лексикографический образ женщины и способы верификации словарных стереотипов // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 9: Филология. С. 22–39.

В описаниях экспрессивного лексикона русского языка мы находим россыпи таких примеров. Наряду с литературными *цаца* или *мымра* множество разговорных и диалектных единиц: *сарафанное радио*, *тряпошный телефон*, *агентство ББС* (*баба бабе сказала*) – о женщинах-сплетницах [Лукьянова, 1984б], *шпыгүха* или *вертёха* ‘легкомысленная женщина’, *шалашёвка* ‘женщина легкого поведения’, [Лукьянова, 1976], *мархёня* ‘женщина легкого поведения’ [Лукьянова, 1984а], *калáчик* ‘2. Перен. О женщине со странностями, причудами’ [Лукьянова, 1986], *зачепáха* и *задрёпа* ‘неряха (о женщине)’, *долгоязыкая* ‘слишком болтливая’ (о женщине, девушке) [Лукьянова, 2015]. Такие номинации приводятся в контекстах-рефлексивах, когда информанты – носители говоров (Новосибирской области) – объясняют оценочную прагматику употребления экспрессивных наименований женщины: *Не женись, говорю, Толя, ты на энтой заверняйке: у ей что ни день, то новый бзык; Женщину разжённей* называли, осуждали, что муж ее бросил, значит, плоха хозяйка была; и на женщину скажут *чунáрь*, когда не понимает ничё; Она така *волóвая*, даже на стол не соберет, нехорошая, я не хочу такую, неповоротная, толстая-претолстая, как бочка; ...*смутьянка* (‘сплетница’) – нехорошая женщина [Лукьянова, 1986].

Судя по тому, что лексемы, выражающие одобрение и похвалу в адрес женщины, приводятся в качестве примеров крайне редко (*рукодельница* ‘женщина, делающая все ловко и быстро’, *домовница* ‘хорошая хозяйка в доме’ [Лукьянова, 1976], *изюминка* ‘о хорошенькой девушке’ – одобрительно, с восхищением [Лукьянова, 1984б], *чистуха* ‘чистюля’ [Лукьянова, 1986]), можно говорить об общей (для разных страт русского языка, в основном – «разговорного дискурса» [Лукьянова, 2015. С. 184]) тенденции: экспрессивный лексический фонд ориентирован на языковое «закрепление» и отражение негативных «образцов» и образов (в работах Н. А. Лукьяновой преимущественно антропонимических, с семантикой ‘человек ленивый’, ‘человек глупый’, ‘человек медлительный’ и др.). И женщина как объект экспрессивной оценки не исключение. В разных ее проявлениях (внешность, образ жизни, характер, поведение) язык как будто «сосредоточен» на недостатках, недочетах, оплошностях, грехах, проступках и т. п. Но такова природа языковой экспрессивности – фиксировать девиации, отклонения от нормы или полное несоответствие ей. При этом, что очень важно, «инициатором» экспрессии является говорящий: «Экспрессивное слово... не соотносится с классом однородных предметов: в сознании носителей языка не существует класса “*дрязги*”, “*неряхи*”, “*верзилы*”, “*слюнтяи*”, “*дармоеды*”, “*дебоширы*” и т. п. ЭЛЕ не столько **называет** предмет, признак, действие, явление... сколько **выражает** субъективное “я” говорящего / пишущего» [Там же. С. 188].

Парадоксально то, что внеязыковой, условно говоря, «культ женщины» (матери, возлюбленной, жены, хозяйки дома, бабушки) входит в противоречие с языковой «материей», в которой так много негативных эмоций (презрения, пренебрежения, неодобрения, негодования, осуждения) и хлестких (от души!) оценок, включая инвективные и нецензурные, за которыми стоит носитель языка, естественно, выношенный и рожденный матерью.

Истоки экспрессивного дискурса, в фокусе которого находится женщина, по нашему мнению, кроются в вековых традициях патриархального «уклада» мышления с его уничижительным отношением к женщине, ее роли в семье, в обществе и в жизни мужчины. Так, русские пословицы [Даль, 1984] в полной мере передают картину мира, в которой женщина имеет очень низкий социальный статус¹: она не человек – существо (*И старая коро́ва любит быка; Будь жена хоть ко́за, лишь бы золотые ро́га; На что коро́ва, была бы жена здорова*) или «бытовой атрибут» (*Жена не се́дло: со спины не снимешь; Жена не сапо́г (не лапоть), с ноги не скинешь*). В русских пословицах зафиксировано презрение к женщине (*Вот тебе помои – умойся; вот тебе онучи – утрися, вот тебе лопата, помолися; вот тебе кирпичик – подавися!*), циничное (*Дважды жена мила бывает: в избу введут да как вон понесут*) и безразличное отношение (*На вдове жениться, что старые штаны надевать: не вошь, так гнида*). В пословицном фонде, собранном В. И. Далем, тема женщины осмыслена только в «прикладном

¹ Его маркером является лексема *баба*: «[Женщина] потеряла вдобавок и статус женщины. Она превратилась в *бабу*, то есть определилась презрительным словом, непереводимым на большинство иностранных языков» (В. Ерофеев).

смысле» (женщина – это жена²), поэтому речения о женщине даны в разделе «Муж – жена». Вековая народная мудрость, безусловно, транслирует и некоторые положительные следствия матримониальной роли женщины: ее «предписанность» мужчине (*Без жены как без шапки; Без жены, что без ума; Птица крыльями сильна, жена мужем красна*), мужскую ответственность за жену (*Жена не гусли: поиграв, на стенку не повесишь*), домовитость и высокую работоспособность жены (*Муж возом не навозит, что жена горшком наносит; Утро вечера мудренее, жена мужа удалее*).

Но в основном в русских пословицах «закрепилось» представление о дурном нраве женщины³: ее болтливости (*Лучше в утлой ладье по морю ездить, чем жене тайну поверить*), коварстве и распущенности (*Нет в лесу столько поворотов, сколько у бабы уворотов; Муж в двери ногою, а жена в окно и с головою; Мужнин грех за порогом остается, а жена все домой несет*), легкомысленности (*Муж пашет, а жена пляшет*), импульсивности (*Муж задурит, половина двора горит; а жена задурит, и весь сгорит*) и своенравии (*Жена взбесилась и мужа не спросилась*). Судя по интенсивности осуждения женщины, паремии отражают преимущественно мужское восприятие ее поведения как порочного, что служит оправданием и узакониванием физической агрессии по отношению к жене (*Бей жену к обеду, а к ужину – опять; Жена не горшок, не расшибешь*). Речевая «деспотия» по отношению к женщине не поддается разумному объяснению. Этот факт нужно принять: так исторически сложилось, причем в народной культуре⁴: «Пословицы раздавили женщину как человека. Она стала предметом насмешек и унижения <...> Весь корпус русской народной мудрости пропитан издевательским женоненавистничеством⁵» (В. Ерофеев).

По нашему мнению, в народной мудрости заключен культурный код, который транслируется через язык и наследуется новыми поколениями носителей русского языка. Неслучайно лексический корпус экспрессивных наименований женщин, зафиксированный в современном словаре («Толковый словарь названий женщин» Н. П. Колесникова [2002]), отражает общий культурный контекст и русскую языковую традицию негативного оценочного восприятия женщины и соответствующего отношения к ней.

На основе анализа женских антропонимов можно выявить круг стереотипных представлений, которые, безусловно, редуцируют, делают плоской и одномерной картину многообразных женских образов и характеров, а затем, используя доступные методы верификации, корректировать их, с тем чтобы они в большей степени коррелировали с внеязыковой реальностью. Иными словами, цель нашей работы – попытка редактирования стереотипов, транслируемых словарем женских номинаций.

Наше исследование соотносится с актуальной, причем не только для лингвистики⁶, гендерной проблематикой. Широко обсуждается в обществе тема сексизма (гендерного неравенства)⁷, спровоцированная тотальной женской эмансипацией. Успехи феминисток в борь-

² Более важная идея «женщина – это мать» в них не актуализирована.

³ Очевидно, что в интерпретации паремий о женщине не может быть разночтений. К таким же выводам приходит В. Ерофеев в эссе с пословичным названием («Бог бабу отнимет, так девку даст»): *Бабе полностью отказано в уме*. «У бабы волос долог, да ум короткий», – поучает пословица. *Бабе отказано в честности*: «Баба бредит, да кто ей верит». *Бабе отказано в сострадании*: «Баба плачет – свой норов тешит...».

⁴ Например, в дворянской рафинированной культуре и литературе все иначе: сантименты и комплименты, восхищение женщиной и уважительное к ней отношение.

⁵ Гипертрофированно оно проявляется в маргинальных стратах: *А ведь сидел уже, объяснили ему наверняка, что в тюрьме – то есть там, где вырабатываются самые правильные мужские понятия, – женщина считается человеком условно. Она есть предмет потребления...* (А. Слаповский. Пересуд).

⁶ Круг вопросов гендерной лингвистики, в свою очередь, может быть включен в более широкую научную парадигму, например в лингвокультурологию (как в [Маслова, 2001]), либо использоваться в качестве дополнительного параметра для традиционного анализа лексики и фразеологии (например: «в русских говорах фразеологическая номинация лиц любого (чаще женского) пола характеризуется очень высокой степенью гендерной маркированности...» [Кобелева, 2012. С. 24]).

⁷ В романе Л. Улицкой «Зеленый шатер» учитель словесности рассуждает о гендерной специфике русской классической литературы XIX в., которую можно считать проявлением сексизма: *Но все-таки была одна странность в этой прекрасной литературе: вся она была написана мужчинами о мальчиках. Для мальчиков. Все о чести, о мужестве, о долге. Как будто все русское детство – мужское... А где же детство девочек? Какая у них ничтожная роль! Наташа Ростова восхитительно пляшет и поет, Кити катается на коньках, Маша Миронова отбивается от посягательств негодая. Все юные кузины и их подружки, в которых влюблены мальчишки, славны своими локонами и оборками. Остальные – несчастные жертвы: от Анны Карениной*

бе за права женщин наглядно демонстрирует разрастающиеся в разных языках словари женских номинаций – «феминитивов», изучением и описанием которых активно занимаются современные лексикологи (например, [Миретина, 2011; Васильева, 2013]).

По сложившейся (прежде всего во французской лингвистике) традиции термином «феминитив» называют номинации женщин по профессии и должности, т. е. по роду занятий, деятельности. Использование данного термина в качестве родового для экспрессивных номинаций женщин по типу их поведения противоречит терминологическому узусу, но вполне оправданно⁸, так как поведение – это одна из форм человеческой деятельности.

На подготовительном этапе исследования из словаря Н. П. Колесникова [2002] были отобраны все существительные с типовой семантикой «**женщина, которая ведет себя / поступает как-либо**». В картотеку вошли 474 лексемы (*альёрница* 'обманщица, плутовка', *альтруистка*, *альюсница* 'льстивая и угодливая ж.', *ахинейница* 'ж., говорящая ахиною, чепуху, бессмыслицу, вздор', *базгальница* 'шалунья, шутница', *балдѣжница*, *балясница* 'шутница', *баскачѣха* 'смелая, наглая ж.', *бахвалка*, *бесчинница* 'бесчинствующая (грубо нарушающая приличия) ж.' и т. п.).

Эти лексемы образуют тематическое поле феминитивов, описывающих поведение женщины как характерную ее особенность (черту характера, определенный психотип) или оценивающих ее поступки-реакции в ответ на внешний раздражитель.

Семантизация искомого значения⁹ осуществляется двумя способами:

1) через трансформацию дефиниции (например, методом ступенчатой идентификации до получения «семантического примитива» – глагольных местоимений *вести себя*, *поступать*, лексем *поведение* / *поступок*, или синонимической замены для выявления типового маркера оценки поведения): *колобрóдница* 'ж., которая колобродит (вносит беспокойство, ведет себя беспутно, озорничает)'; *лицемерка* 'лицемерная (неискренняя, двуличная) ж.; притворщица', *наглянка* 'наглая (дерзкая, бесстыдная, нахальная) ж.', *зазóрница* 'ж., ведущая зазорный (позорный, постыдный, неприличный) образ жизни';

2) с помощью подстановки к толкованию «модально-оценочной рамки»: *дребезгунья* '1. Много и часто плачущая ж.' – и это неуравновешенное поведение; *заглядчица* 'ж., любящая заглядывать куда-л.' – и это бесцеремонное поведение; *асечница* 'ж., часто повторяющая слово «ась?»' – и это надоедливое поведение.

Отметим, что особенностью данного тематического поля, полученного на базе словаря, является широкая вариативность феминитивов. Так, из 474 единиц, представленных в картотеке, 156 единиц – это варианты двух формальных типов: **фонетические** (*вруша* // *вруха* к *врунь*; *дракунья* к *драчунья*, *дребезгунья* // *дребезгунья* к *дребезгунья*); **словообразовательные**, варьирование которых объясняется широкой синонимией «суффиксов женскости»¹⁰: *зубоскалка* // *зубоскалица*, *колготунья* // *колготунья* 'сварливая ж.', *зевунья* // *зевачка* 'ротозейка', *колотырка* // *колотырница* / *колотырица* 'сплетница', *кривлядка* // *кривляльница* / *кривлячка*.

Названные типы вариантов исключены из общей выборки (для чистоты эксперимента), а результаты **семантического варьирования**, напротив, добавлены в качестве самостоятельных единиц. 9 лексем имеют лексико-семантические варианты (ЛСВ), каждый из которых принимается за единицу, например: *шалава* '1. *Прост. бран.* Распутная, разбитная, часто спившаяся и опустившаяся ж. 2. *Жарг.* Проститутка. 3. *Жарг.* Воровка, порвавшая

и Катюши Масловой до Сонечки Мармеладовой. Интересно, интересно. Как обстоит дело с девочками? Они всего лишь объект мужского интереса? А где их детство? Претерпевают ли они тот внутренний переворот, который случается с мальчиками? Неужели только акт физиологии? Биологии? (Л. Улицкая. Зеленый шатер). В современной литературе такого «перекоса» нет: русское детство давно (с Л. А. Чарской) перестало быть исключительно мужским. Гендерную нишу закрывают сами женщины – пишут о девочках или для них (например, И. Лукьянова «Стеклянный шарик», Л. Улицкая «Бедная счастливая Колыванова», М. Аромштам «Когда отдыхают ангелы», «Мохнатый ребенок», В. Трелина «Жила-была девочка» и др.)

⁸ Кроме того, феминитив лаконичнее называет лингвистический объект нашего исследования.

⁹ Но только в случаях ее невыраженности (ср., например: *конъюнктурица* 'беспринципная ж., строящая свое поведение в зависимости от сложившейся конъюнктуры (ситуации)'; *дребезгунья* '2. Нищенка, назойливо выпрашивающая что-л., надоедающая своими просьбами').

¹⁰ Примеры синонимии корней нетипичны, но встречаются, например: *глазолунка* // *глазопялка* – в основе вариантности синонимичные глагольные корни *лупить* и *пялить* (глаза).

с преступной средой»; *трепáлка* '1. Ж., которая треплется (слоняется, шатается по мужчинам); распутница, развратница. 2. Сплетница'.

В результате такого корректирования мы получили картотеку из 329 словарных феминитивов.

В словаре Н. П. Колесникова представлен гетерогенный лексический материал, о чем свидетельствуют социально-функциональные («диал.», «жарг.», «прост.», «разг.») и «хронологические» («устар.»: *горделивица* (к *гордячка*), *грубительница* (к *грубиянка*)) пометы. Они последовательно дифференцируют и разные ЛСВ одной лексемы, например: *оторва* '1. Прост. Развратная, распутная ж. 2. Жарг. Отчаянная воровка. 3. Жарг. Опустившаяся проститутка'. Наиболее часто встречается помета «устар.» (архаичных единиц – 145: *баклушница*, *клокотуша* 'беспокойно-деятельная ж.', *котóрница* 'сварливая ж.', *лазготу́ха* 'без умолку болтающая ж.', *ласкóтница* 'ласковая, обходительная ж.', *пригóбжница*, *чакчу́рница* 'щеголиха' и др.). Для 45 лексем отмечено их диалектное происхождение (например: *подхвóстица* 'сплетница', *покту́нья* 'брюзга', *потíмница* 'насмешница', *фыкту́ха* 'ж., склонная плакать от любой обиды, боли и т. п.'). Значительное количество лексем имеют разговорный (65 единиц: *лепету́нья*, *лизобло́дка*, *позёрка*, *пустосло́вка*, *реву́нья*, *хохмáчка*, *хохоту́нья* и др.) и просторечный характер (10 единиц, например: *ору́нья*, *трепáлка* '1) развратница, 2) сплетница', *хаба́лка*), т. е. являются стилистически сниженными.

Преобладание устаревших и диалектных единиц (40 % выборки) свидетельствует о довольно специфическом составе словника. Вероятно, отсутствие строгих пространственно-временных критериев оправдано стремлением автора к созданию максимально объективного портрета «коллективной женщины». Но, как показывает дальнейший семантический анализ, эта пестрота лексического материала порождает только иллюзию разнообразия.

В качестве матрицы для классификации феминитивов мы использовали [Исаченко, 2014] выделенные лексико-семантические группы (ЛСГ) русских глаголов поведения [Исаченко, 1998], которые дифференцируются на основе оценочной интерпретации действий и характеристик человека как поступков и поведения. Эта классификация с выделенными рубриками и обозначенными (с помощью «двойных» индексов, например, 1 / 7) зонами пересечения¹¹ актуальна для всего массива «поведенческой» лексики¹², формирующей в русском языке одноименное функционально-семантическое поле. В табл. 1 в качестве иллюстраций каждого типа поведения приведены предикаты (выделенные полужирным курсивом предикаты выражают типовую семантику ЛСГ).

Правомерность экстраполяции семантической классификации предикатов на именную лексику объясняется и устойчивыми деривационными связями: номинации субъектов поведения мотивированы глаголами поведения. По традиции женские номинации связаны с глаголами опосредованно, через одну словообразовательную ступень – мужскую номинацию¹³. Несмотря на возможные различия в способах словообразования, исходный мотивирующий признак «феминитивов поведения» выражается глаголом: *базга́льница* 'шалунья' – *базгальничать* 'дурить, шалить'; *базу́льница* 'своенравная, избалованная ж.' – *базулить* 'баловать, давать потачку'; *балабони́ца* – *балабонить*, *балагу́рка* – *балагурить*; *баловни́ца* – *баловаться*; *бедоку́рка* – *бедокурить*; *безде́льница* – *бездельничать*; *бормоту́нья* – *бормотать*; *брюзготу́ха* – *брюзжать*; *будора́жница* 'беспокойная ж.' – *будоражить*, *прикидчи́ца* – *прикидываться*, *прилгательница* – *лгать* и т. д.

В некоторых случаях мы прибегали к «принудительной классификации» (сознательно игнорируя допустимые варианты семантической идентификации лексемы, которая может быть интерпретирована как элемент разных ЛСГ), так как феминитивы поведения, как и соответствующая глагольная (и шире – поведенческая) лексика, характеризуются семантической диффузностью, которая проявляется:

¹¹ Одной из смежных семантических зон является «эмоциональное состояние» – ЭС.

¹² Корректность данной классификации подтверждается семантическим анализом диалектного материала [Исаченко, 2013], извлеченного из «Словаря русских говоров Сибири» (под ред. А. И. Федорова) [1999–2001].

¹³ Но это вопрос дискуссионный и открытый: родовые корреляты можно считать и результатом кодеривации – параллельного образования от одного глагола.

а) в абстрактной емкости словарных дефиниций, ср.: *безобразница* ‘безобразно, возмутительно ведущая себя ж.’, *висляйка* ‘ж. дурного поведения’, *негодница* ‘ж., девушка, девочка плохого, недостойного поведения’;

Таблица 1

Семантическая типология предикатов поведения

№	Название ЛСГ поведения	Предикаты (глаголы, прил., сущ.)
1	Безнравственное П.	<i>прелюбодействовать, развратничать, грешить, изменять;</i> <i>подличать, ябедничать; жадничать, скупиться; завидовать;</i> <i>пьянствовать (1 / 7)</i>
<i>клеветать, сплетничать (1 / 2)</i>		
2	Нечестное // неискреннее П.	<i>лгать, обманывать, врать, хитрить;</i> <i>заискивать, лукавить, подхалимничать, юлить...</i>
3	Нескромное П.	<i>хвастливый, хвастаться,</i> <i>кичиться, красоваться, щеголять (в том числе нарядами);</i> <i>умничать, важничать, зазнаваться, гордиться...</i>
4	Неестественное П.	<i>притворяться, ломаться, кривляться...</i>
5	Несерьезное П. (с положительным / отрицательным результатом / подражательное)	<i>озорничать, резвиться, баловаться, шалить;</i> <i>безобразничать, бедокурить, шkodить;</i> <i>ломаться, попугайничать, обезьянничать, паясничать;</i> <i>легкомысленный, непутевый, беспечный...</i>
<i>Непоседливый, беспокойный в движениях, перемещениях, вертлявый (непоседа, егoзa – 5 / 6)</i>		
6	Неуравновешенное П.	<i>буйнить, беситься, безумствовать, скандалить, дебоширить, раздражаться, паниковать;</i> <i>хорохориться, раздухариться;</i> <i>несдержанный (в том числе в речевой деятельности: болтливый, разговорчивый);</i> <i>суесться, беспокоиться (ЭС / 6)</i>
7	Безответственное П.	<i>лениться, лентяйничать, лодырничать, бездельничать, балбесничать;</i> <i>праздный, безалаберный, беззаботный...</i>
8	Самовольное П.	<i>артачиться, самовольничать, упрямиться, упираться, вредничать, непослушный;</i> <i>изнеженный, балованный</i>
9	Бесцеремонное П.	<i>фамльярничать, нахальничать, грубить, хамить, хулиганить;</i> <i>бесцеремонный, наглый, грубый;</i> <i>издеваться, насмехаться;</i> <i>не церемониться</i>
10	Нерешительное // безвольное П.	<i>маяться, сомневаться, колебаться, малодушничать, трусить;</i> <i>медлить, медлительный, нерасторопный, неповоротливый (7 / 10)</i>
11	Надоедливое П.	<i>надоедать (жалобами, просьбами, вопросами), докучать, ворчать, сварливый;</i> <i>капризничать, кукситься, канючить, ныть (8 / 11)</i>

б) в синкретичности значений многих номинаций – при одновременной актуализации нескольких дифференциальных сем (отмечены в толкованиях подчеркиванием) из разных ЛСГ. Например: *устар.* *щелкунья* ‘бойкая, болтливая бабенка; сплетница’ – на основе дефиниции возможна интерпретация женского поведения как решительного, неуравновешенного или безнравственного / нечестного. Аналогично: *диал.* *ягáрма* ‘наглая и бранчливая ж.’ (бесцеремонность, неуравновешенность), *устар.* *щелкату́ха* ‘бойкая, нахальная ж.’ (решительность, бесцеремонность); *храбру́ня* ‘ж., которая только храбрится (стремится придать себе храбрости, подбодрить себя; ведет себя заносчиво, хвастливо, стремясь скрыть свою слабость, трусость)’ (неестественность, неискренность, неуравновешенность). Отметим, что, помимо разночтений в характере поведения, варьирует и оценка: «решительность» поведения актуализирует положительные коннотации, а «бесцеремонность» – отрицательные.

В таких спорных случаях мы опирались на словарную логику «семантизации», принимали первое толкование за основное и фиксировали «двойную» (или «тройную») отнесенность к ЛСГ, например, лексема *фиглярка* ‘паясничающая, кривляющаяся ж.; обманщица, двуличная ж.’ отнесена к составу ЛСГ неестественного поведения (*паясничать*, *кривляться*, *притворяться*) и дополнительно – к ЛСГ неискренного поведения (*лгать*, *лукавить*).

Таким образом, женская субстантивная лексика со значением поведения распределяется по 11 ЛСГ. Количественный состав каждой группы (в абсолютных и относительных показателях) представлен в табл. 2. Обратим внимание, что практически в каждой ЛСГ встречаются отдельные сущ. с «обратной» семантикой и, соответственно, противоположной оценкой. Лексемы с положительной коннотацией в составе тематического поля немногочисленны: *устар.* *степенница* ‘ведет себя степенно (рассудительно, солидно, основательно), скромно’ (ЛСГ-5), *разг.* *кропоту́ня* ‘усердная, старательная’, *устар.* *похва́льница* ‘ученица, похвально ведущая себя’, *устар.* *шemetу́ня* ‘постоянно хлопочущая’ (ЛСГ-7) и др. (всего 23 единицы, или 7 %), поэтому нет смысла дублировать рубрики: безнравственное / нравственное поведение, нескромное / скромное поведение и т. п. Тем более что незначительная доля таких существительных не может нейтрализовать или «уравновесить» явно преобладающие негативные оценочные номинации.

Наименования женщин, выражающих положительную оценку поведения (‘поступает / ведет себя нравственно / естественно / серьезно...’ и т. п.), маркированы в таблице знаком «+», а их количество в каждой ЛСГ указано в скобках.

За 100 % взято 329 единиц (к числу лексем-вокабул 318 добавлено 11 ЛСВ полисемантов).

Таблица 2

Результаты семантической классификации феминитивов поведения

№	ЛСГ	Лексемы (или ЛСВ)	Количество	%
1	Безнравственное П.	жарг. <i>шкурёха</i> , прост. <i>трепалка</i> ‘распутная, развратная’ прост., жарг. <i>оторва</i> , <i>шалава</i> устар. <i>яры́жница</i> ‘пьянствующая, развратная’ + устар. <i>стыдл́ивица</i>	31 (+ 1)	10,3
2	Нечестное // неискреннее П.	устар. <i>бахвóстка</i> , <i>концевóдка</i> , диал. <i>мокрóвóдка</i> , <i>мокрохвóстка</i> разг. <i>звонáрка</i> <i>фразёрка</i> , <i>фарисейка</i> устар. <i>алы́рница</i> / <i>алы́рицица</i> ‘обманщица, плутовка’	49	15
3	Нескромное П.	устар. <i>чакчурница</i> ‘щеголиха’ устар. <i>ба́харка</i> ‘1) хвастунья’ <i>форсунья</i> <i>пижонка</i> ‘1) пустая, франтоватая девушка, щеголиха’ + разг. <i>скромница</i>	15 (+ 1)	4,9

Окончание табл. 2

№	ЛСГ	Лексемы (или ЛСВ)	Количество	%
4	Неестественное П.	<i>придурница</i> 'притворяющаяся глуповатой', <i>фарсунья</i> 'позволяющая себе разыгрывать фарс' <i>пижонка</i> '2) хочет нравиться окружающим, выставляя себя напоказ'	20	6
5	Несерьезное П.	устар. <i>вертопрашка</i> , устар. <i>шафирница</i> 'шалунья, проказница', устар. <i>затеишница</i> 'первая балагурка и забавница' + устар. <i>степенница</i>	34 (+ 1)	10,6
6	Неуравновешенное П.	устар. <i>трескотуха</i> 'быстро, без умолку, говорящая' устар. <i>бахарка</i> '2) говорливая' ЭО *: <i>нелюдимка</i> , <i>молчальница</i> + разг. <i>меланхоличка</i>	72 (+ 1) 2	22,8
7	Безответственное П.	диал. <i>распустёха</i> '2) плохая хозяйка' устар. <i>прохладница</i> 'любительница прохладиться' устар. <i>празднолюбица</i> + <i>альтруистка</i> + разг. <i>кропотунья</i> , + устар. <i>похвальница</i> + устар. <i>шеметунья</i>	11 (+ 4)	4,6
8	Самовольное П.	<i>привередница</i> , <i>перёчница</i> 'во всем перечасная кому-л.' + устар. <i>покорница</i> 'преданная, покорная' + разг. <i>смирёница</i> 'смирного нрава'	14 (+ 3)	5,2
9	Бесцеремонное П.	устар. <i>площадница</i> 'пошлая, грубая' <i>охальница</i> + устар. <i>ласкотница</i> 'ласковая, обходительная' + устар. <i>приличница</i> 'вежливая' + устар. <i>радушница</i> 'доброжелательная, радужная'	36 (+ 5)	12,5
10	Нерешительное // безвольное П.	диал. <i>марудница</i> 'неповоротливая, медлительная' прост. <i>коснительница</i> 'медлительная' + устар. <i>быструха</i> 'быстрая, бойкая, резвая' + устар. <i>щелкунья</i> 'бойкая бабенка' + диал. <i>обаяница</i> 'ловкая в делах' + диал. <i>шевелюха</i> 'бойкая девушка'	6 (+ 7)	4
11	Надоедливое П.	устар. <i>зяпунья</i> 'вечно ноющая' устар. <i>бурлачиха</i> / <i>бурлачка</i> 'сварливая, неуживчивая' <i>запытчица</i> 'надоедающая своими вопросами' <i>подпекабельница</i> 'допекающая, донимающего кого-л. чем-л., досаждающая кому-л. чем-л.'	15	4,6

* ЭО – эмоциональное отношение.

Если учитывать количественные данные (множественность и разнообразный состав некоторых ЛСГ), то можно сделать вывод о стереотипном восприятии и оценке женского поведения как неуравновешенного (ЛСГ-6 – почти 23 %) в проявлении:

- эмоций (женщина одинаково импульсивна в выражении радости и печали: *гоготунья*, *грохотунья* ‘оглушительно смеющаяся’, *дребезгунья* ‘много и часто плачущая’ (если говорит, то без умолку, если плачет или смеется, то навзрыд или взхлеб));
- речевой способности (в большинстве случаев эксплуатируется образ крикливой, шумливой женщины: *горланка* ‘слишком громко говорящая, поющая, кричащая’, *будоражница*, *варгаласья*). 75 номинаций этой группы создают образ женщины-«*perpetuum mobile*» (например, сема ‘непоседливость’ в номинациях *безугомонница*, *вертунья*, *помызгунья*, *попрыгунья*), главной «движущей силой» которых является язык (*байщица*, *бакульница*, *бахарка*, *галиматейщица*, *глагольница*, *говорунья*, *гундорка*, *пустозвонка*).

Неумеренность и импульсивность коммуникативного поведения женщин обуславливают языковую трансляцию стереотипов:

- женщины-сплетницы (19 номинаций: *бахвóстка*¹⁴, *звонáрка*, *колоты́рка*, *концевóдка*, *мокровóдка* / *мокрохвóстка*, *мутосвётка* / *мутехвóстка*, *нахлестка*, *обáйщица*, *окульница*, *плетунья*, *распустёха* (ЛСВ-3), *скулдыжница*, *трепáлка* (ЛСВ-2), *трубохвóстка*, *тумови́щица*, *хвистка* (*хвисту́лка* / *хвисту́лька* (устар.)), *хвóстка*, *хвóстница*, *хвостóвка*, *хвосту́шка*), *хлы́стовка*, *чихвóстка*, *шафири́ница*, *щелкунья*).
- женщины-скандалистки, которые по причине дурного (вздорного, склочного) характера склонны к шумным ссорам, скандалам (*ахáльница*, *грызунья*, *скандалистка*, *склочница*, *содомищица*, *ягáрма* ‘бранчливая’) и даже дракам (*дебоширка*, *драчунья*).

Менее значимы, судя по количеству единиц в соответствующих ЛСГ, негативные стереотипы:

- безнравственной женщины, образ жизни которой (как правило, бесстыдство, распутство в сексуальном поведении) противоречит общепринятой морали (ЛСГ-1: *разбитуха*, *распутница*, *срамница* – около 10 %);
- нечестной женщины, слова и поступки которой мотивированы склонностью ко лжи и лицемерию (ЛСГ-2: *прилгательница*, *притворищица*, *прихвостница*, *прихильница* ‘лицемерка’, *подтакальщица* ‘лстиво говорящая кому-л. «да-да», «так-так»’, *подхалимка* – 15 %);
- бесцеремонной женщины, которая в речевых поступках проявляет не просто невоспитанность (например, любопытство – *глазунья*, *зевунья*, *ротозейка*) или злорадство (*насмешница*, *зубоскалка*), но и осуждаемые коммуникативные тактики собственно маскулинного типа: наглость, грубость, хамство (ЛСГ-9: *баскачиха*, *галданиха*, *глумительница* – 12,5 %).

Нейтральным (или даже условно позитивным) можно считать стереотип несерьезного поведения женщины – легкомысленной, склонной к шалостям, шуткам, забавам и др. невинным «выходкам» (ЛСГ-5: *гримасница*, *игрунья*, *лясница*, *озорница* – примерно 11 %).

Методы внутреннего (интроспекция) и внешнего (инклюзивность в реальность) наблюдения дают основания усомниться в объективности полученных на основе словаря результатов. Наша рабочая гипотеза заключается в том, что реальный портрет современной женщины не отождествляется со словарной картиной. Безусловно, это связано, в первую очередь, с природой языковой экспрессии, которая призвана фиксировать прежде всего «отрицательные категории». Кроме того, нельзя не учитывать специфику лексикографического источника (словаря Н. П. Колесникова), о которой мы писали выше (ретроспективность, социальная «гетерогенность» словника и др.). Чтобы нейтрализовать некоторую субъективную «авторитарность» словаря, мы попытались с помощью доступного лингвисту инструментария верифицировать словарные данные и, возможно, корректировать выводы о закреплённых в языке (и отраженных в словаре) стереотипах женского поведения.

Важная и наиболее показательная процедура верификации – это определение «функционала» словарных феминитивов, т. е. их употребления в речевом (точнее – текстовом) узусе, например, на основе корпусных данных. Проверка по НКРЯ показала, что из 318 исходных

¹⁴ Здесь и далее намеренно выделяем корень *хвост*, частотно воспроизводимый в лексемах данной группы, актуализирующий зооморфный образ «женщины-сороки».

вокабул только 109 лексем (примерно $\frac{1}{3}$ часть) функционируют в текстах ¹⁵. Если учитывать репрезентативную частотность (например, с 10 вхождений) и исключить единичные или архаичные словоупотребления, то феминитивов, которые активно используется в современном узусе, насчитывается 56.

На следующем этапе верификации выполним семантическую классификацию только для этих лексем, распределив их по 11-ти ЛСГ поведения. Перечислим эти группы в порядке убывания их количественного состава:

ЛСГ-5 (несерьезное П.): *баловни́ца, вертихво́стка, вётрени́ца, озорни́ца, прока́зница, фи́фа, хохоту́нья, шалу́нья, шутни́ца* (16 %);

ЛСГ-6 (неуравновешенное П.): *говорунья, крикунья, попрыгунья, психопатка, скандалистка, склочница* // ЭО: *молчали́ца, нелюди́мка* (14 %);

ЛСГ-1 (безнравственное П.): *безобразница, негодница, оторва, распутница, срамница, шалава, шлюха* (12,5 %);

ЛСГ-9 (бесцеремонное П.): *грубия́нка, насме́шница, наха́лка, оха́льница, хаба́лка, ха́лда, ха́мка* (12,5 %);

ЛСГ-2 (нечестное П.): *шлю́ха, вру́нья, лгу́нья, лицеме́рка, обма́нница, притво́рница* (10,7 %);

ЛСГ-8 (самовольное П.): *гордя́чка, капризница, привередница, сумасбро́дка* // *смирени́ца* (9 %);

ЛСГ-4 (неестественное П.): *жеманница, кокетка, прелестница, причудница, чудачка* (9 %);

ЛСГ-3 (нескромное П.): *франти́ха, хвасту́нья, щеголи́ха* // *скромница* (7 %);

ЛСГ-7 (безответственное П.): *бездельница, распустёха* (3,5 %);

ЛСГ-10 (нерешительное П.): *тетёха / вострушка* (3,5 %);

ЛСГ-11 (надоедливое П.): *ворчу́нья* (2 %).

Семантическая классификация актуальных феминитивов поведения дает качественно другие результаты, особенно если пренебречь малочисленными по составу ЛСГ (3 % и менее).

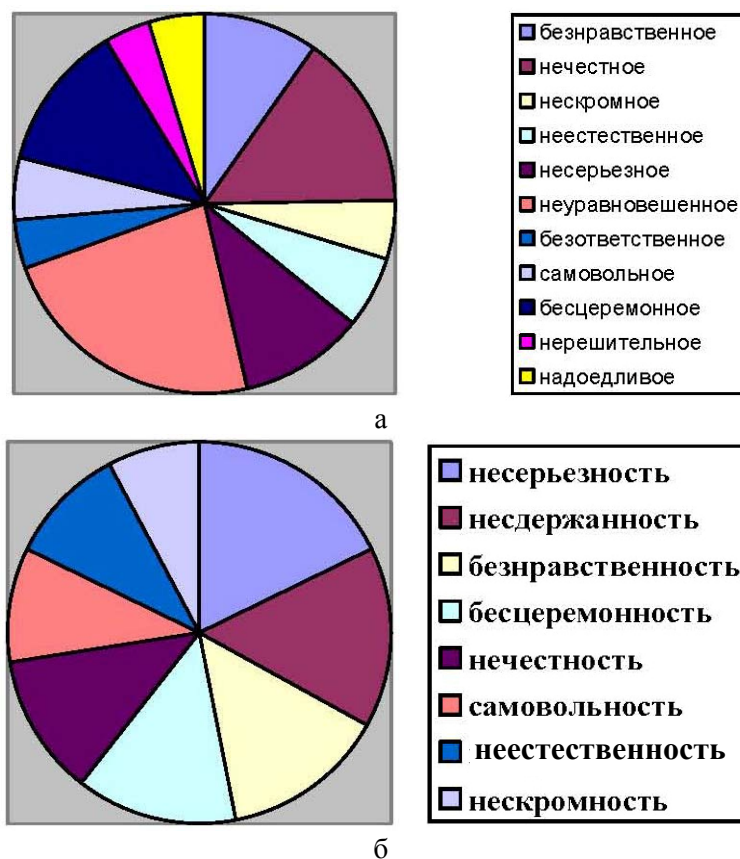
Для визуализации сопоставления представим диаграммы (см. рисунок). По материалам словаря главенствует стереотипное представление о неуравновешенном характере и поведении женщины (см. рисунок, а).

В «рейтинге стереотипов», полученном с уточненными данными, на первое место по количеству его лексических репрезентаций «выходит» несерьезное поведение женщины; неуравновешенное / несдержанное поведение – на втором месте. Кроме того, поведенческий образ женщины как комплекс стереотипных представлений в результате речевой верификации получается менее сегментированным.

Актуализация одних ЛСГ поведения на фоне деактуализации других позволяет делать вывод о том, что женщины по своей природе и характеру недостаточно серьезно относятся к жизни: они преимущественно проказничают и вертят хвостом. Такое легкомысленное отношение к жизни обуславливает несдержанность женщин в проявлении эмоций (правда, крайняя степень эмоциональности уравновешивается полной невозмутимостью). Женщины не отличаются «высоконравственным» поведением, напротив, склонны к распутству и другим сексуальным порокам (безнравственность женщины в языковом представлении проявляется именно в этом). Женщины не слишком воспитанны, бывают бесцеремонными, хамоватыми, нахальными и грубыми. В целом предпочитают независимость, поэтому поступают своевольно, проявляют в поведении строптивость и несговорчивость, с удовольствием капризничают и привередничают, кокетничают и жеманятся, эксплуатируя весь доступный арсенал средств, прежде всего внешний вид.

Такая палитра стереотипных поведенческих реакций женщины более реалистична. Но необходимо проверить, действительно ли они гендерно специфичны и зависят от пола субъекта поведения.

¹⁵ Оказалось, что многие феминитивы имеют омонимы. Так, *глазунья* встречается в текстах корпуса только как «яичница»: *Это про нее маленькая Лиза спрашивала, все никак не понимала: раз глазунья, значит с глазами* (А. Лиханов. Чистые камушки (1967)), в значении «ротозейка» не зафиксировано.

Результаты семантической классификации словарных (а)
и актуальных (б) феминитивов поведения женщины

Например, в работах Н. А. Лукьяновой отмечены факты параллельного речевого употребления одних и тех же экспрессивных номинаций в отношении разнополюх субъектов: *косопрядница* и *косопрядник* 'сплетница' и 'сплетник', аналогично *вертихвост* и *вертихвостка*, *шалахвост* и *шалахвостка* – о лицах легкого поведения [Лукьянова, 2015]; или *форсунь* и *форсунья*: А **форсунь**¹⁶ – он форсит, бодрится, красивый...; Женщины таки непутевые, нарядаются, набасяются, вот и говорят **форсунья** [Лукьянова, 1986].

Возможность «двойной» гендерной референции требует специальной грамматической проверки. Это еще один способ верификации лексического материала, задача которой – выявление гендерной специфики или доказательство ее отсутствия.

На первом этапе мы проверили по НКРЯ, есть ли у исследуемых феминитивов родовые корреляты (для их «восстановления» из структуры женской номинации специальные источники носителю языка не нужны). В итоге оказалось, что 85 сущ. ж. р. (78 %) коррелируют с однокоренными сущ. м. р.: *шалун* – *шалунья*, *хохотун* – *хохотунья*, *лицемер* – *лицемерка*, *краснобай* – *краснобайка*; *покорник* – *покорница*... Интересно, что некоторые мужские корреляты стали «открытием», их присутствие в системе языка, а также довольно широкое употребление в речи (по данным НКРЯ), по нашим представлениям, русским культурным кодом не «предусмотрено»: *вертихвостка* – ***вертихвост***, *попрыгунья* – ***попрыгун***.

¹⁶ В НКРЯ и в БТС фиксируется как *форсун*.

Деривационная логика, по которой сема 'женскость' вторична, выражается набором соответствующих аффиксов, которые присоединяются к основе мужского рода¹⁷, дает основание считать такие грамматически парные лексемы универсальными средствами фиксации определенного способа поведения. Их универсальность в том, что они могут характеризовать / описывать поведение любого субъекта, независимо от его гендерной принадлежности (табл. 3).

В исследуемом объеме феминитивов, который на каждой ступени верификации уменьшается, только 24 номинации не имеют мужских коррелятов: *фифа*, *волочайка*, *вострушка*, *доку́ница*, *копу́нья*, *кропоту́нья*, *нарядница*, *шкуреха*, *шлепохвостка*, *халда*, *хабалка*, *шалава*¹⁸... Между тем некоторые из них, судя по контекстам НКРЯ, способны к «двойной» речевой референции и ведут себя как существительные общего рода (в словарях эта речевая тенденция не фиксируется).

Таблица 3

Примеры «двойной» гендерной референции для феминитивов

Женщина	Мужчина
<i>кокетка</i>	
<i>Я кокетничаю с мужчинами, с женщинами, знакомыми и незнакомыми, потому что это во мне заложено. Я вообще всегда была кокетка. Другое дело, необходимо понимать, что кокетничать в восемьдесят лет надо несколько иначе, чем в восемнадцать (Л. Смирнова. Моя любовь (1997))</i>	<i>Что вы там себе под нос бурчите? Это Шекспир, здесь дыхание должно быть широкое, а вы... что вы там бормочете? И в каком вы виде сюда пожаловали? Что за кокетка! Разве Гамлета можно в таком виде? Прилетел... опоздал... подкатил и в «Мерседесе»... и в бархатных штанах... о чем вы думаете? В облаках всемирной славы купаетесь? (В. Смехов. Театр моей памяти (2001))</i>
<i>оторва</i>	
<i>Материю скупала у работниц веселая спекулянтка Фирузка, оторва, лихо мешающая узбекский язык с русским матом (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы (1980–2006))</i>	<i>В квартирке Олега их ждали Венька и девять пацанов из числа местных «союзников» – за вчерашнюю ночь, объехав город, отобрали тех, что постарше и позлее, – оторвы, проверенные и веселые. (З. Прилепин. Санька (2006))</i>
<i>распустёха</i>	
<i>А Глухова Лена – чудо, актриса Божьей милостью, хотя в частной жизни – путаница и распустеха (В. Рецептер. Узлов, или Обращение к Казанове (1993))</i>	<i>– Пап, надел бы ты рубашку, – сказала дочь, – сидишь распустехой... (Д Рубина. На солнечной стороне улицы (1980–2006))</i>
<i>тетёха</i>	
<i>У той же были вполне серьезные планы получить постоянное жилье, но эта тетёха такую простую вещь в голову не брала (Г. Щербакова. Ангел Мертвого озера (2002))</i>	<i>Этому, как его... Ну, тетёха такой мордастый. С усами (О. Дивов. Выбраковка (1999))</i>

¹⁷ Или в некоторых случаях «подставляются» на место суффиксов со значением 'лицо мужского пола' (как в паре: *ученик* → *ученица*). Такие примеры в нашей выборке тоже встречаются, например: *непотребник* → *непотребница*.

¹⁸ Эту лексему, например, использует М. Елизаров в адрес мужчины.

Отметим, что отнесенность данных лексем к лицам мужского пола обуславливает большее эмоциональное напряжения: говорящий через них транслирует пренебрежение, презрение, негодование и другие эмоции неприятия¹⁹.

Еще одним доказательством отсутствия ярко выраженных гендерных признаков в той или иной форме поведения, отраженной в анализируемых субстантивах, является сравнение показателей частотности употребления родовых коррелятов. Для эксперимента мы взяли несколько феминитивов, которые, по нашему мнению, отражают типично женское поведение, и по НКРЯ зафиксировали для них и соответствующих существительных м. р. количество вхождений (табл. 4). Эти данные оказались вполне сопоставимы, незначительной разницей можно пренебречь и сделать вывод о том, что распутство, баловство или, напротив, смирение не имеют гендерной обусловленности, не связаны с полом субъекта поведения.

Таблица 4

Словоупотребление родовых коррелятов:
количественные данные

Сущ. ж. р.	Количество вхождений в НКРЯ	Сущ. м. р.	Количество вхождений в НКРЯ
<i>распутница</i>	87	<i>распутник</i>	75
<i>смирёница</i>	56	<i>смирённый</i>	57
<i>срамница</i>	41	<i>срамник</i>	38
<i>привере́дница</i>	13	<i>привередник</i>	22
<i>причу́дница</i>	14	<i>причудник</i>	7
<i>баловница</i>	88	<i>баловник</i>	106
<i>хохоту́нья</i>	47	<i>хохотун</i>	39
<i>дебои́рка</i>	1	<i>дебои́р</i>	73
<i>грубия́нка</i>	22	<i>грубия́н</i>	355
<i>щеголи́ха</i>	171	<i>щеголь</i>	750
<i>шалу́нья</i>	211	<i>шалун</i>	715
<i>чу́дачка</i>	144	<i>чу́дак</i>	3 567
<i>фразё́рка</i>	1	<i>фразе́р</i>	134
<i>франти́ха</i>	67	<i>франт</i>	906
<i>ха́мка</i>	79	<i>хам</i>	1 314
<i>хвасту́нья</i>	11	<i>хвастун</i>	324

Опираясь на такой способ верификации, можно, например, констатировать, что созданный на основе словарных данных стереотип о безнравственности женского поведения не соответствует действительности или, как минимум, речевому узусу, о чем свидетельствуют факты.

И последний способ верификации, фактически разрушающий негативные стереотипы женского поведения, – это анализ контекстуальной оценки.

В зависимости от контекста употребления отрицательная коннотация феминитива может либо нейтрализоваться, либо менять знак оценки на противоположный.

(1) *Бабушка была охальница, осмеивала каждую из попавших в руки картошек – с точки зрения формы* (Н. Горланова. Филологический амур (1980)) – здесь чувство юмора старой женщины извиняет ее скабрёзность.

(2) *Это ее мгновенно старило, превращая в плаксивую бабу-распутеху, которую ничто, кроме счастья ее детей, не интересует...* (П. Акимов. Плата за страх (2000)) – внешняя неопрятность и плаксивость извиняется материнством.

¹⁹ Хотя и в таких случаях экспрессивность номинации может деактуализироваться в определенных речевых ситуациях, например при реализации тактики флирта: – *Я что... нравлюсь тебе?.. – Кокетка, – сказала она. – А что, такой мужчина, как ты, может не нравиться женщине?* (М. Веллер. Приключения майора Звягина).

(3) *Она всегда радуется, когда мужчины в другой раз приходят. Вот, любит мужчиков, шкурёха, – просто беда! Она – смешная девчонка, мамка у меня* (М. Горький. Страсти-мордасти (1913)) – неразборчивость в связях с мужчинами интерпретируется как извинительная слабость (на то и «слабый пол») доверчивой матери.

(4) *Милая! Милая сумасбродка. Да, это пострашнее, чем сесть в машину к незнакомому парню* (В. Аксенов. Коллеги (1962)) – нежность обращения милая «гасит» негодование по поводу своенравного поведения женщины.

(5) *Сижусь, таращусь в окно и скучаю по своей предательнице и дзунье* (М. Милованов. Кафе «Зоопарк» (2000)) – эмоциональная привязанность к женщине сильнее здравого смысла и трезвой оценки ее поведения.

(6) *Няня, мною же ребенку нанятая, раздражает чудовищно – руки трясутся, когда ее вижу. Озорница. Сылет новомодными поговорками, ребенку моему говорит: «Не ссы в бассейн, пригодится воды напиться»* (Е. Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007)) – речевое хулиганство и солдафонский юмор няни не поощряется, но и не заслуживает осуждения и порицания, воспринимается как несерьезное поведение, озорство (вероятно, воспринятое от подопечного ребенка).

И в заключение обратим внимание (см. табл. 4) на родовые корреляты, для которых показатели частотности воспроизведения мужских номинаций существенно превышают количественные данные для однокоренных феминитивов.

Таким образом, для выявления стереотипов восприятия гендерно специфических типов поведения более надежным показателем является не языковая фактура (наличие слова, его фиксация в словаре, объем словника, его семантическая рубрикация), а речевой материал (с количеством речевых / текстовых реализаций). Из табл. 4 видно, что на фоне сравнения с мужчиной женщине мало свойственно хамство и грубость, она не нарушает общественный порядок, в меру чудит и шалит, совершенно не склонна к пустому пафосу и хвастовству, но любит наряжаться и быть в центре внимания. Частотные мужские номинации, с одной стороны, связаны с реализацией стереотипных черт феминного поведения (желание наряжаться, выставлять себя напоказ, вести себя несерьезно: *франт, щеголь, шалун, хвастун*), а с другой – типично маскулинного, крайне агрессивного (*хам, грубиян, дебошир*) поведения²⁰. Такие предварительные выводы на основе анализа небольшого фрагмента родовых коррелятов тематического поля «Субъекты поведения», вероятно, в некоторой степени отражают внеязыковую реальность, но для их подтверждения и верификации необходимо проводить отдельное исследование.

Последний способ верификации, доступный для лингвиста, – привлечение в качестве аргументов концептуальных высказываний говорящих и пишущих людей, цитирование разнообразных источников, прежде всего литературных. Приведем из нашей «читательской коллекции» несколько цитат, каждая из которых не только отражает личный опыт пишущего, но и транслирует коллективное знание о женщине, «упакованное» в стереотипы: *Меня всегда занимал вопрос: почему женщины последних ста лет разучились терять сознание? Почему они не млеют, как их бабки, от грубого слова, от неожиданной весты? Куда исчезло, кем выметено прочь это спасительное умопомрачение, которое дает передышку мозгу, чтобы осознать весть* (Г. Щербакова. История в стиле РЭП); *Где нужно что-нибудь построить, а еще лучше сломать – там мужчинам равных нет. Если же нужно проявить терпение, понимание, а возможно, и сострадание, то лучше доверить дело женщине* (Б. Акунин. Черный монах); *Женщины без мужской силы не могут обойтись, а мужчины, напротив, свою силу черпают в женской* (А. Уткин. Крепость сомнения); *Как ни малоразвита она, а по-женски умна и понимает: задевать мужскую честь попреками относительно слабости – опасно...* (А. Слаповский. Висельник); *Мужчины благороднее – они просто живут, работают, делают какие-то дела, ходят по улицам. А женщины насквозь фальшивы и подлы, ничего не совершают просто так* (А. Слаповский. Пересуд); *И она будет думать, что ей уже жалко спартанок, не страдавших от измен, от разлук, нелюбви. ...Ведь эти страдания – единственный тигль²¹, через который должна пройти настоящая*

²⁰ Такая эклектика отражена в емком названии книги В. Ерофеева – «Мужчины: тираны и подкаблучники».

²¹ Сосуд из огнеупорного материала, преимущественно для плавки, в основном металла (БТС).

женщина к главному своему мужчине (Г. Щербакова. Спартанки); *Три вещи может сделать женщина для русского писателя. Она может кормить его. Она может искренне поверить в его гениальность. И, наконец, женщина может оставить его в покое. Кстати, третье не исключает второго и первого* (С. Довлатов. Чемодан); *Эти женщины, конечно, очень загадочные существа, загадочные люди, я всегда говорил. Как это там поётся: «Частичка черта в нас заключена подчас!» Совершенно точно...* (В. Голявкин. Знакомое лицо); *...женщины перед лицом испытаний сплошь и рядом ведут себя «мужественней» так называемого сильного пола, ибо женская натура, как правило, цельнее мужской и в ней сильнее развит альтруизм, что обусловлено даже их биологией* (Г. Чхартишвили. Аристония); *Бабы, давно переставшие быть бабами, страдавшие над некормленными детьми, выплакившие слезы над похоронками. Переставшие быть бабами, но не матерями, сестрами, любящими женами* (В. Тендряков. Три мешка сорной пшеницы).

В журнале, посвященном юбилею Нины Александровны Лукьяновой, хочется процитировать некоторые фрагменты из ее воспоминаний (по «рукописи»), чрезвычайно созвучных данной теме и емко формулирующих суть женщины: «Как ни странно, дедушка, образованный человек, придерживался консервативной позиции относительно образования дочерей: **девкам грамота не нужна, их участь – домашнее хозяйство и дети.** Эту **наивную народную концепцию** хорошо передают известная поговорка “**Бабы дорога – от печи до порога**”, другие поговорки и пословицы: “Знай, баба, свое кривое веретено” (т. е. свое дело), “Не петь курице петухом, не быть бабе мужиком”. Ах, **неверные эти перлы народной мудрости!** Не учитывают они другую сторону женской доли: а поле, русское поле, – кто на нем вкалывал, как не русская баба? И рожала на этом же поле русская баба. А некрасовская баба: “Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет”! Сейчас очень часто иронизируют по поводу этих строк, но ведь **в них кроется правда народной жизни.** А вот строка из советского стихотворения: “...я и баба и мужик...”. Советское время, особенно война, добавили много черт к народному представлению о силе и выносливости русской женщины, русской бабы...»

«...Образование фамилий от мужских имен показывает нам, что в далекие-далекие времена главенствующее место в семье и обществе принадлежало мужчине. Только в советское время и особенно в постсоветское **изменилась ситуация**: женщина стала играть не менее важную роль в обществе, а уж о семье и говорить не приходится: **чаще всего на ее плечах лежит забота о семье и о воспитании детей**» (выделено нами. – О. И.).

Нина Александровна с любовью и благодарностью пишет обо всех, кто входил в ее близкий круг – «женский батальон» (по ее выражению). Но самые проникновенные строки, самые трогательные воспоминания Нина Александровна посвятила своей маме – Анастасии Викторовне: «У мамы было очень сильным чувство самоотдачи, заботы о других», «Мама не совершала подвигов, но с лихвой выполнила свое предназначение человеколюбивого, добродетельного, добросердечного, милосердного человека, доброй матери»; «...внутренне мама была человеком большой души, сердечности и духовности».

В этой теме нет ничего честнее и искреннее этих слов. Ни один словарный стереотип уже не важен. Все типичное и предсказуемое, все языковые шаблоны и стандарты отступают перед жизнью и судьбой конкретной женщины.

Стереотипы формируются экспрессивным лексиконом и живут в словарях, но при столкновении с внеязыковой реальностью, при пересечении с линией женской судьбы (даже если это судьба «человека слова», лексикографа и лексиколога – Нины Александровны Лукьяновой, которая все знает о словарях и об экспрессивности) они «деактуализируются», уступая место исключительности и уникальности каждой женщины.

Список литературы

Васильева А. С. Тенденции в употреблении наименований лиц женского пола по профессиональной принадлежности // Проблемы современного образования. 2013. № 1. С. 46–53.

Исаченко О. М. Грамматика и семантика «лексикона поведения» в сибирских диалектах: по материалам словарей // Региональные варианты национальных языков: Материалы Всерос. (с международным участием) науч. конф. Улан-Удэ, 2013. С. 139–145.

Исаченко О. М. Материалы к словарю русских глаголов поведения // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. Новосибирск, 1998. Вып. 2. С. 148–166.

Исаченко О. М. Стереотипы женского поведения: по материалам словаря // Русский язык: исторические судьбы и современность: Тр. и материалы V Междунар. конгресса. М., 2014. С. 152–153.

Кобелева И. А. Современная русская диалектная фразеология: лексико-грамматический и лексикографический аспекты: Автореф. ... д-ра филол. наук. Сыктывкар, 2012.

Лукьянова Н. А. О контекстных условиях реализации семантики экспрессивного слова (к вопросу об экспрессивном контексте) // Экспрессивность на разных уровнях языка. Новосибирск, 1984а. С. 42–59.

Лукьянова Н. А. О некоторых тенденциях развития лексики современных русских народных говоров в свете проблемы экспрессивности // Методологические и философские проблемы языкознания и литературоведения. Новосибирск, 1984б. С. 128–145.

Лукьянова Н. А. О соотношении понятий «экспрессивность», «эмоциональность», «оценочность» // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1976. Вып. 5. С. 3–21.

Лукьянова Н. А. Языковая интуиция носителей говоров как источник информации о семантике экспрессивного слова // Синтаксическая и лексическая семантика (на материале языков разных систем). Новосибирск: Наука, 1986. С. 193–208.

Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления в семантическом аспекте // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 9. С. 183–200.

Маслова В. А. Мужчина и женщина в обществе, культуре и языке // Маслова В. А. Лингвокультурология. М., 2001. С. 121–131.

Миретина М. С. Феминизация названий профессий, должностей, титулов и званий во французском языке во Франции, Бельгии, Швейцарии и Квебеке: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. URL: <http://www.dissercat.com/content/feminizatsiya-nazvanii-professii-dolzhnostei-titulov-i-zvanii-vo-frantsuzskom-yazyke-vo-fran>

Словарь русских говоров Сибири: В 2 т. / Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1999–2001.

Список источников

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Сост. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.

Даль В. И. Пословицы русского народа. В 2 т. М., 1984. Т. 1.

Ерофеев В. Бог бабу отнимет, так девку даст // Мужчины: тираны и подкаблучники. М.: АСТ: Зебра Е, 2009.

Колесников Н. П. Толковый словарь названий женщин. М., 2002.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>).

O. M. Isachenko

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Novosibirsk Higher Military Command School
49 Ivanov Str., Novosibirsk, 630112, Russian Federation*

isachenkoo@mail.ru

LEXICOGRAPHIC IMAGE OF WOMEN AND WAYS OF VERIFICATION OF DICTIONARY STEREOTYPES

The functional-semantic field ‘Behavior’ consists not only of predicates, but also subjects of behavior – human nominations (anthroponyms) with the general meaning of ‘a person who behaves /

acts in a certain manner'. In addition to individual traits, typical manners and styles are realized in behavior, which, along with other conditions, depend on the gender of the subject. As our article demonstrates, female behavior is reflected in the linguistic consciousness of the speakers of the Russian language as a complex of negative stereotypes.

These stereotypes are represented through the expressive nominations of women ('feminitives'). The "Explanatory Dictionary of Women's Names" by N. P. Kolesnikov served as the lexicographic source of such units for this article (to recreate the cultural and historical context, Russian paremia, as recorded by V. I. Dal, were also involved).

On the basis of the semantic classification of vocabulary feminitives, the cumulative behavioral image of women is obtained through a set of stereotypes that, undoubtedly, reduce and simplify the diversity of female images and characters and probably distort the real state of affairs.

To correct the results obtained on the basis of the dictionary, various verification methods were used: checking for usability, taking into account the quantitative indicators of word usage, identifying generic correlates, analyzing their use in speech, monitoring the contextual transformations of emotiveness and the value of expressive feminitives, etc.

Several stages of verification of the vocabulary allowed us to correct the stereotypical image of women as subjects of behavior, to bring it into correspondence with the speech reality and extralinguistic reality. The latter in particular can be judged by the reflections extracted from texts of a different genre nature, which are conceptual statements about women, their role in the family and society, their typical traits and gender specific traits (the latter, as a rule, are evaluated against a background of comparison with traits which are traditionally considered to be typically masculine).

In our article, special attention is given to excerpts from the (currently unpublished) memoirs of N. A. Lukjanova, one of the major researchers of expressiveness in the Russian language and Siberian Russian dialects and a highly respected teacher at the Novosibirsk State University. Her memoirs offer an impressive and poignant look at the fate and lifestyle of Russian women in the XX century and provide interesting language material that perfectly serves the purpose of our study.

Keywords: expressive anthroponym, gender specific, feminist, nominative thematic field, semantic classification, generic correlates, double reference.

References

Isachenko O. M. Grammatika i semantika «leksikona povedeniya» v sibirskikh dialektakh: po materialam sloarei [Grammar and semantics of the 'lexicon of behavior' in Siberian dialects: based on dictionaries]. *Regional'nye varianty nacional'nogo jazyka. materialy vseross. (s mezhdunarodnym uchastiem) nauch. konf.* [Regional Variants of the National Language. International Conference Materials]. Ulan-Ude, 2013, p. 139–145. (in Russ.)

Isachenko O. M. Materialy k slovaryu russkikh glagolov povedeniya [Materials for the dictionary of Russian verbs of behavior]. *Yazykovye edinitsy v semanticheskom i leksikograficheskom aspektakh* [Language units in the semantic and lexicographic aspects]. Novosibirsk, NSU, 1998, iss. 2, p. 148–166. (in Russ.)

Isachenko O. M. Stereotipy zhenskogo povedeniya: po materialam slovarya [Stereotypes of female behavior: based on dictionary materials]. Tr. i mat-ly V Mezhdunar. Kongressa "Russkii yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'" [Proceedings and materials V Intern. Congress «Russian language: historical destinies and modernity»]. Moscow, 2014, p. 152–153. (in Russ.)

Kobeleva I. A. Sovremennaya russkaya dialektnaya frazeologiya: leksiko-grammaticheskii i leksikograficheskii aspekty. Avtoref. diss. dokt. filol. nauk [Modern Russian dialect phraseology: lexico-grammatical and lexicographic aspects. Doct. phil. sci. syn. diss.] Nauk. Syktyvkar, 2012. (in Russ.)

Luk'yanova N. A. Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya v semanticheskom aspekte [Expressive vocabulary of colloquial use in the semantic aspect] *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History, Philology]. 2015, vol. 14, no. 9, p. 183–200. (in Russ.)

Luk'yanova N. A. O kontekstnykh usloviyakh realizatsii semantiki ekspressivnogo slova (k voprosu ob ekspressivnom kontekste) [About the contextual conditions of realization of semantic ex-

pressive words (on the issue of expressive context)]. *Ekspressivnost' na raznykh urovnyakh yazyka* [Expressiveness on various levels of language]. Novosibirsk, 1984, p. 42–59. (in Russ.)

Luk'yanova N. A. O nekotorykh tendetsiyakh razvitiya leksiki sovremennykh russkikh narodnykh govorov v svete problemy ekspressivnosti [On some trends in the development of the vocabulary of modern Russian folk dialects in the light of the problem of expressiveness]. *Metodologicheskie i filosofskie problemy yazykoznaniya i literaturovedeniya* [Methodological and philosophical problems of linguistics and literary criticism]. Novosibirsk, 1984, p. 128–145. (in Russ.)

Luk'yanova N. A. O sootnoshenii ponyatii «ekspressivnost'», «emotsional'nost'», «otsenochnost'» [On the relation between the concepts 'expressiveness', 'emotionality', 'appraisal']. *Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya* [Relevant problems of lexicology and word formation]. Ed. 5. Novosibirsk, 1976, p. 3–21. (in Russ.)

Luk'yanova N. A. Yazykovaya intuitsiya nositelei govorov kak istochnik informatsii o semantike ekspressivnogo slova [Language intuition of dialect speakers as a source of information on the semantics of expressive words]. *Sintaksicheskaya i leksicheskaya semantika (na materiale yazykov raznykh sistem)* [Syntactic and lexical semantics (on the material of languages of different systems)]. Novosibirsk, Science Publ., 1986, p. 193–208. (in Russ.)

Maslova V. A. Muzhchina i zhenshhina v obshchestve, kul'ture i yazyke [Man and woman in society, culture and language]. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow, 2001, p. 121–131. (in Russ.)

Miretina M. S. Feminizatsiya nazvanii professii, dolzhnostei, titulov i zvanii vo francuzskom yazyke vo Frantsii, Bel'gii, Shveitsarii i Kvebeke [Feminization of the names of professions, positions, titles in French in France, Belgium, Switzerland and Quebec. Cand. phil. sci. syn. diss.]. St. Petersburg, 2011. (in Russ.)

Slovar' russkikh govorov Sibiri [Dictionary of Russian dialects of Siberia]. Ed. A. I. Fedorov. Novosibirsk, 1999–2001. (in Russ.)

Vasil'eva A. S. Tendentsii v upotreblenii naimenovanii lits zhenskogo pola po professional'noi priinadlezhnosti [Trends in the use of names of women by professionality]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya* [Problems of Modern Education]. 2013, № 1, p. 46–53. (in Russ.)

List of sources

Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Great Explanatory Russian Dictionary]. Comp. S. A. Kuznecov. Saint-Petersburg, Norint Publ., 1998. (in Russ.)

Dal' V. I. Posloviцы russkogo naroda. [Proverbs of the Russian people]. In 2 vols. Moscow, 1984, vol. 1. (in Russ.)

Erofeev V. Bog babu otnimet, tak devku dast [God takes the woman away and gives a girl]. *Muzhchiny: tirany i podkabluchniki* [Men: tyrants and pushovers]. Moscow, 2009. (in Russ.)

Kolesnikov N. P. Tolkovyi slovar' nazvanii zhenshhin [Explanatory Dictionary of women's titles]. Moscow, 2002. (in Russ.)

National Russian Corpus. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>